

Александр Зимовец
Патч с Озимандии

«Литнет»

2022

Зимовец А.

Патч с Озимандии / А. Зимовец — «Литнет», 2022

У Фрая есть все, о чем он не мог и мечтать год назад: собственная корпорация, станция в одном из красивейших мест на Озимандии и настоящая любовь. Но счастье – это очень хрупкая материя в мире корпоративных интриг, безжалостных монстров и таинственных инопланетных артефактов. Здесь нужно каждый день защищать свое место под тусклым оранжевым солнцем, и никто не знает, перед каким выбором завтра поставит тебя судьба. Некогда Фрай прикоснулся к древней силе, тысячелетиями дремавшей в недрах планеты. У этой силы свои планы на Озимандию, и она не потерпит тех, кто встанет у нее на пути. Да и что смогут противопоставить ей люди, среди которых даже близко нет единства?

© Зимовец А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Часть I. Mare nostrum, Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Часть I. Mare nostrum, Глава 1

Они налетели на нас возле самого поворота, где дорога ныряет в лес и идет по проложенной Хосе узкой просеке. Хексен еще поставил там указатель: «Станция Сири – 20 км, Край света – 20,4 км».

Вообще-то колонна наша шла хоть и по знакомому маршруту, но совсем не вслепую: Озимандия беспечности не прощает. Впереди по курсу шел разведывательный дрон, настроенный на обнаружение как мобов, так и пиратских засад. Но этих он не заметил: они зашли с фланга, а для сенсоров были почти невидимы.

Всполошились мы лишь после того, как аппараты взмыли из-за кромки леса и ринулись прямо на нас, недвусмысленно ложась на атакующий курс. До этого же обстановка в чате стояла расслабленная: я болтал с постоянными подписчиками, пассажиры кто тоже вел стрим, а кто просто глазел на окружающие красоты.

Вокруг нас раскинулась ровная степь, лишь кое-где перерезанная небольшими оврагами, обнажавшими песчаную почву. Легкий ветерок вяло шевелил серовато-зеленую траву с игольчатыми листьями, а над приближающейся сине-зеленой полоской леса медным шаром висело местное оранжевое солнце.

Машин было три: мой «Рино» впереди, позади – легкий танк бывшего лейтенанта Суареса, присоединившегося к нам после того, как его корпа погибла возле Колодца почти в полном составе, ну а между нами – бывшая мобильная база, переделанная во что-то вроде автобуса на три десятка посадочных мест.

Автобус – впрочем, наш новый научник, доктор Симон Карпентье, предпочитал старомодное слово «дилижанс» – понадобился нам потому, что без него совсем не выходило заманить в нашу глушь ни постояльцев для гостиницы, ни, тем более, персонал. Первые не желали предпринимать утомительное путешествие за баранкой, а вторым было страшно ехать в красную зону безоружными. У некоторых, к тому же, и вовсе не было своих машин.

Можно сказать, что сам я в этой экспедиции оказался случайно. Конечно, первый регулярный пассажирский рейс на нашу станцию – это большое событие, но оно вполне могло бы обойтись и без меня. Однако нужно было посетить заседание Ассамблеи в Симмонсе, а кроме того я пообещал Астре новый сенсорный модуль для ее «Альбатроса», а такой кроме Симмонса нигде не найдешь.

За время пути – а неторопливому дилижансу требовалось двое с лишним суток на то, чтобы преодолеть путь в одну сторону – я успел присмотреться ко всем, кто изъявил желание посетить станцию Сири.

На передних сиденьях ехали двое солидно одетых топ-менеджеров «Юнити», а рядом с ними – тучный замдиректора из «Мидленд Харвестинг» с женой. Эти держались особняком, в общем чате не общались, то и дело поглядывая на остальных пассажиров немного свысока, и с любыми вопросами обращались сразу ко мне довольно снисходительным тоном, отчего я чувствовал себя не то их подчиненным, не то прислугой, но приходилось терпеть – первые клиенты, как-никак.

За ними сидел крепкий мужчина лет сорока с массивной челюстью, а на соседнем с ним кресле – бледная худенькая девочка лет тринадцати в очках и с рыжими кудряшками. Эти тоже обращали мало внимания на остальную компанию: девочка то собирала в нем же какую-то сложную головоломку из разноцветных объемных фигур, то что-то печатала, а отец помогал ей или смотрел стримы, устало откинувшись на спинку сиденья.

Эта парочка еще с начала поездки показалась мне странной. На Озимандии почти нет детей – только те, кто родился уже на планете, но самым старшим из них нет и десяти лет.

Подростки же могут появиться только с Земли, но заявки от несовершеннолетних Тлаку почти всегда отклоняют. Иногда сюда прибывают целыми семьями, но это большая редкость.

Через ряд от них сидела молодая девушка латиноамериканского вида с густыми черными волосами. Эта, напротив, быстро перезнакомилась со всем дилижансом, и ее стало как-то очень много. Ловко пользуясь ментальным интерфейсом, она умудрялась одновременно болтать чуть ли не с десятью людьми разом: меня расспрашивать о подробностях истории с Колодцем, к топам приставать с вопросами о том, будет ли война «Юнити» с «Эдисон», компанию безлошадных новичков в хвосте «дилижанса» расспрашивать о том, кто чем думает заниматься на станции, и даже девочке пыталась помочь с решением головоломок, хотя, кажется, ничего в них не поняла.

Себя она называла корреспондентом стримингового агентства «Orange sun», созданного с год назад стримером Танисом СМИ, имевшего большую сеть корреспондентов по всей планете. Журналистка радостно раздавала визитки, украшенные апельсиновым кружком, и норовила напроситься на интервью ко всем, кроме разве что девочки.

С ней почти все общались приветливо – особенно сидевшие за ее спиной двое молодых парней, пакистанец и швед, нанявшихся к нам обслуживать фабрику и прочую бытовую аппаратуру, что должно было освободить руки Лейси и Хексену для более важных задач. На второй день пути разговорились с ней даже две бледные, изможденные женщины, ехавшие в клинику к Норберту обследоваться по поводу возможной онкологии.

Поездка проходила мирно и даже, пожалуй, скучно, так что я то и дело возвращался мыслями к разговору, который состоялся у меня перед отъездом с Кади. Разговор был нешуточный, и обдумать его следовало, не торопясь. Мне хотелось побыстрее добраться до Сири, помыться, залезть в капсулу и в тишине поразмышлять обо всем этом. И, конечно, посоветоваться с Астрой, если она на месте. Теперь до станции оставалось не больше часа пути даже с нашей черепашной скоростью, и я уже надеялся, что мы так и доберемся до дома без приключений. Но не сложилось.

Аппаратов было два, каждый размером с мой «Рино» или чуть больше, голубовато-белые, похожие на огромные цветки с широко раскинутыми, немного загнутыми к центру хищно заостренными лепестками. Не лепестками даже, а скорее шипами, в сплетении которых можно было смутно различить нечто похожее на два крыла, лишенные перьев.

Летели они бесшумно, то и дело закладывая противоестественные маневры, и в каждом их движении чувствовалась угроза, совершенно отчетливая. В их силуэтах была красота, но красота очень неприятная. Красота японской катаны, лезвие которой вот-вот снесет с плеч твою голову.

Когда они показали в воздухе, пассажиры все еще обсуждали в чатике налет мелких мобов в окрестностях Мертвого города несколько часов назад. Новые точки в небе никого поначалу не насторожили – кроме нас с Хосе. Мы-то сразу поняли, что надвигается нечто посерьезнее.

Хосе деловито начал раздавать команды оружейным системам. Танк Суареса ничем нам помочь не мог – его пушка была предназначена для наземных целей, так что он просто спрятался под щит и усилил его своей энергетической установкой.

Я схватился за штурвал, сливаясь с ИскИном и окунаясь в знакомое адрениновое море боевого режима. Движение объектов на экране замедлилось, словно они плыли в густом сиропе. Пассажиры дилижанса, тоже стали двигаться комично неторопливо, сообщения приходили лишь изредка. Оружие броневики превратилось в продолжение моих рук, силовой щит – в мою кожу, вычислительные возможности Кристи – в отдел моего мозга, а ИскИны ребят – в связанных со мной воедино сиамских близнецов. Я притормозил немного, тоже прячась под основной щит, раскинувшийся над «дилижансом» широким искрящимся куполом.

Мобы приближались по неправильно ломаной траектории. Даже в рапиде боевого режима их маневры казались быстрыми и опасными.

Спаренный пулемет над моей головой пришел в движение, намереваясь впиться острым жалом в жертву. Ни о каких предупредительных выстрелах и попытках переговоров при виде такого страха Господня и быть не могло – хотелось только, чтобы оно скорее исчезло. За почти два года на Озимандии я ни разу такого не видел, и с большим удовольствием не видел бы дальше.

– Кристи, есть данные по уровню моба и характеристикам? – послал я мысленный запрос.

– Отсутствуют, – ответила Кристи, и даже ее голос показался мне озадаченным.

Кристи просчитывала, куда двинется белая гадость дальше, вычерчивая в воздухе передо мной голубоватые кривые линии. Когда одна из них стала плотной – знак уверенности Кристи в прогнозе – я перевел туда прицел и прочертил короткую очередь, а затем еще одну – для верности. Однако пули ударили в пустоту – маневры аппаратов были такими замысловатыми, что Кристи не под силу было их поймать.

В это время загрохотали крупнокалиберные пулеметы на крыше машины Хосе. Мой мозг заработал на пределе возможностей, стараясь одновременно просчитывать траектории и для него тоже. Я буквально почувствовал, как перегреваюсь и покрываюсь потом.

Однако не одна из пуль Хосе цели также не достигла, а попытка поймать неуловимых мобов в прицел отозвалась во мне головной болью. Мобы, между тем, все приближались, и кончики лепестков одного из них заискрились розовато-алым свечением, не предвещавшим ничего хорошего.

Мгновение, и из центра белого венчика вырвался розовато-пурпурный луч, с отчаянным шипением врезавшийся в кокон щита. Полевой генератор, который мы установили на дилижанс, был самым мощным из тех, что удалось достать. Несколько танковых снарядов едва ли сняли бы с него даже процентов двадцать, однако секундного залпа неизвестного излучателя хватило на то, чтобы индикатор пожелтел, сообщив о том, что осталось всего шестьдесят три процента. Меня бросило в дрожь – ситуация явно выходила из-под контроля. Еще пара-тройка таких выстрелов, и от нас останется только черная, оплавленная по краям скорлупа брони.

В этот момент нервы Хосе, видимо, сдали, и из тубусов на крыше «дилижанса» с оглушительным шипением стартовал десяток противовоздушных ракет. Использовать весь комплект разом было решением рискованным – запасные хоть и имелись, но перезарядка была небыстрой. Однако Хосе, по всей видимости, решил, что нужно избавиться хотя бы от одного моба любой ценой, и я не стал с ним спорить, хотя мог бы остановить залп своей командой.

Ракеты ринулись вперед стайей хищных рыб. Моб проворно развернулся в их сторону, но я успел подумать, что спастись ему едва ли удастся. Вот только оставался еще второй, что с ним делать, я не знал – прицел пулемета упорно не желал ловить белую махину, движущуюся с чудовищной грацией летающего слона.

Однако случилось другое: вместо одного луча из тела моба вырвалась целая россыпь, завертевшаяся в воздухе, словно дискотечный стробоскоп. Зрелище было завораживающее, но не будь я в боевом режиме – ни за что бы за ним не уследил, это происходило буквально долю секунды. Когда же лучи погасли, ни одна из ракет уже не летела в сторону моба – все они превратились в рваное облако дыма и осколков. И вот тут меня пробил озноб – я мучительно осознал, что рабочего плана, что делать с этим ужасом дальше, у меня нет.

Пассажиры дилижанса, как я видел краем глаза на мониторе, наблюдали за происходящим с искренним интересом, но, кажется, без особенной паники. Извещать их о том, что ситуация совсем нештатная никто не стал – к чему? Журналистка даже попыталась задать через менталку пару вопросов о том, что это за мобы такие, и как часто они здесь встречаются, но я отвечать, конечно, не стал – не до того.

Мои пальцы, вцепившиеся в штурвал, побелели от напряжения. Я водил стволом пулемета из стороны в сторону в надежде, что хотя бы случайно удастся попасть в белую тварь и располосовать очередь, но та уворачивалась с потрясающей грацией. На концах мраморных шипов полыхнуло розоватое пламя, и новый ослепительный луч резанул по щиту, загнав его заряд глубоко в красную зону.

А вот дальше случилось неожиданное. Мужчина в третьем ряду, наказав девочке спрятаться между сиденьями, рванулся по проходу вперед и распахнул дверь в кабину, которую нам не пришлось в голову снабдить замком.

Там он буквально оторвал от штурвала опешившего Хосе, и тот хотел уже, было, затеять с ним драку, но, как он впоследствии рассказывал, от мужика веяло такой мощной уверенностью в том, что он делает, что Хосе только глянул в его глаза и сразу отстранился.

Дальше мужик замкнул на себя всю оборону машины. Пулеметные установки начали какое-то хаотичное мельтешение, которое, казалось, не могло причинить нападающим никакого вреда. Однако не прошло и пяти секунд, как один из аппаратов они поймали в клещи и хлестнули по нему градом пуль сразу с двух сторон. Белая машина дернулась, словно почувствовала боль, а затем резко прыгнула в сторону и огрызнулась залпом излучателя, прочертившим дымную полосу слева от «дилижанса». Следующая очередь поймала врага на противоход, отрезав половину узкого лепестка.

Второй аппарат в это время принялся утюжить щит своим излучателем, быстро сбив заряд до нуля, и даже прочертив короткую черную линию буквально в метре от гусениц «дилижанса».

Но тут, наконец, мигнуло зеленым сообщение о перезарядке ракетной установки, и ракеты тут же вырвались из тубусов, ринувшись в сторону второго моба. Тот снова расщепил луч, стараясь уничтожить их, как и первый залп, однако на этот раз лучи встретили пустоту – каждая ракета сделала сложный маневр, уклонившись от иглы излучателя. Причем, не один и тот же – все они сманиврили по-разному, совершенно непредсказуемо. Мысленно я даже присвистнул от такого.

Было совершенно очевидно, что мой пассажир подключился к системе наведения каждой ракеты и контролировал их вручную все одновременно, причем, очень хорошо знал, что делает. Но как такое возможно? Я, во всяком случае, так не мог, и не знал никого, кто хотя бы близко был способен на такое.

Ловко увернувшись от еще одного залпа, ракеты врезались в тонкое силовое поле, окутавшее черное тело моба мерцающим коконом, и тут же исчезнувшее в пламени взрывов, в то время, как на поверхности появилось несколько ударных каверн.

Моб резко потерял высоту, и казалось, что еще немного, и он заденет нижними лепестками верхушки деревьев, после чего рухнет в лес, оставляя за собой просеку. Однако он выровнялся и рванул над самой кромкой леса прочь от нас. Второй, огрызнувшись новым выстрелом, скользнувшим по броне танка, последовал за собратом, и вскоре они исчезли из вида где-то за холмами, переходящими в прибрежные дюны.

Такое поведение особенно удивило меня. Мобы обычно тупы, и инстинктом самосохранения не наделены. Если уж сагрились – дерутся до конца, не считаясь с потерями. Эти же... Об этом нужно было серьезно поразмыслить, а заодно расспросить соседей, не видел ли кто из них что-то подобное.

Регион этот начал осваиваться лишь недавно – собственно, с тех пор, как я открыл сапфировый пляж и участок побережья. Так что неожиданности тут можно было встретить на каждом шагу. В труднопроходимых лесах таились озимандийские руины, почти незаметные даже с дрона, если он не оснащен полным набором датчиков. Водилась здесь и живность, невиданная на равнине Симмонса, ни в горных районах: стаи юрких существ, похожих на гибрид обезьяны с куницей сновали по грибным лианам, собирая плодовые тела и прячась от хищных

летающих ящеров. Мобов, конечно, тоже было немало, в том числе, и неизвестных еще человеческой науке. Но это не походило ни на обычных мобов, ни на живых существ...

Пассажиры дилижанса, между тем, выбрались из-под кресел и стали возбужденно переговариваться. Кажется, не все из них поняли, насколько серьезной была ситуация.

Спаситель наш вылез из-за штурвала и невозмутимо прошептал по проходу назад, к дочке, вылезшей из-под кресла и улыбнувшейся, как ни в чем не бывало. Топы смотрели на него с уважением. Самопровозглашенная корреспондентка возбужденно комментировала происходящее для зрителей своего стрима, параллельно уговаривая меня через менталку дать ей видео с дрона и камер моего броневика и мотивируя тем, что это будет отличная реклама для моей корпорации.

Я передал управление Кристи и откинулся на спинку кресла, чувствуя, как по спине под скафандром стекает капля пота, а другая в это время падает со лба.

Гектор, встревоженный пальбой, спустился с потолка на мое плечо, несколько секунд рассматривал мое ошалевшее лицо, а затем фыркнул и стал умываться. В переводе с жестового крысиного это, наверное, можно было расценить, как пожимание плечами. Дескать, чего ты так разволновался? Все же нормально, все живы. Что ж, в самообладании озимандийской крысе не откажешь.

Распылитель над нашими головами издал тихое шипение, обдавая скафандры мелким дождем из антисептика, тут же начавшего высыхать, едва перед нами стали раздвигаться двери шлюза. Предосторожность была, в общем-то, излишней: никаких страшных микроорганизмов в здешних местах обнаружено не было, а мы с ребятами уже не раз рисковали выходить на пляж в плавках и купальниках, и никто от этого пока струпьями не покрылся. Однако шлюз для дезинфекции считался на Озимандии чем-то вроде хорошего тона: если у тебя на станции его нет, ты или нищий, или неряха.

Еще когда наш слегка потрепанный караван въехал во внутренний двор станции Сири, я испытал ставшее уже привычным, но не утратившее остроты чувство: я дома. После года скитаний по планете, ночевки в отеле и в кресле броневика, наша небольшая станция из нескольких стандартных куполов с капсульными спальнями казалась чем-то роскошным, почти дворцом.

Станция стояла на вершине пологого холма, расчищенного от леса и грибных лиан. Отсюда открывался вид на плещущееся в нескольких сотнях метров к югу море, и я обожал глядеть на него сквозь иллюминатор на верхнем этаже, где мы устроили нечто среднее между кают-компанией и переговоркой.

Двери шлюза раскрылись, и мы выбрались из тесного шлюза в холл, где над шкафом со скафандрами радостно сияла голубая неоновая надпись «Добро пожаловать!».

Постояльцев тут же взяла в оборот Марина, одетая ради такого случая в роскошное черное платье, и стала помогать им освобождаться от скафандров. Прочие раздевались сами, разглядывая интерьер холла: яркие постеры, матовые белые кресла и выложенную на досуге Норбертом мозаику в виде нашего герба над дверями.

Я остановился посреди холла, снял шлем и потянулся, чувствуя, как наполняются кровью мышцы, затекшие в долгой поездке. Голова слегка побаливала – должно быть, от напряжения в боевом режиме. Сейчас мне больше всего хотелось принять душ, потом съесть что-нибудь вредное для организма, опционально еще выпить полстакана чего-нибудь, тоже не слишком полезного, поваляться пару часов в капсуле прежде, чем меня захлестнет волна текущих дел. План был вполне выполнимый, однако с первых же секунд пошел прахом.

– Простите, а можно попросить вас показать мне станцию? – раздался у меня за спиной слегка взволнованный голос.

Я обернулся. За моей спиной стояла смуглая девочка из Orange sun, расплывшаяся в застенчивой улыбке, с черными волосами, рассыпавшимися по обшивке новенького белого скафандра.

Я сделал усилие, чтобы не поморщиться от идеи, что вместо того, чтобы растянуться в капсуле и запустить «Первого всадника», мне придется сейчас работать экскурсоводом. Ладно, будем гостеприимными. Тем более, с прессой.

– Хорошо, пойдете, – кивнул я. – Вас как зовут? А то я, признаться, запамятовал.

– Руби, – ответила она. – А на Земле я была Эмилия Агнес Рубио, из Гвадалахары. Пробовала блогерствовать, но там это совершенно никому было не нужно. Ни освещение выборов в моем штате, ни проблемы окружающей среды, всем все было абсолютно по барабану, представляете?

Я очень хорошо представлял. То, что всем все по барабану, становилось в последнее время огромной проблемой, и далеко не только в Мексике. Когда-то я убежал с Земли, в том числе, и от этого. От безразличных скучающих взглядов и вопросов «Как дела?» от людей, которым абсолютно неинтересно, как у меня дела, и вообще ничего не интересно.

– Так вот, года полтора назад я стала следить за событиями на Озимандии, – торопливой скороговоркой продолжала девушка. – И смотрю, тут-то жизнь кипит! Столько всего происходит! Ну, я решила, что мое место – здесь!

Я улыбнулся. Глаза у нее горели, она стала рассказывать о том, как они с двумя подружками создавали агентство, нашли помещение на периферийной станции Кук, чуть не погибли, когда на станцию набросилась орда лучевых москитоидов, кочевали по Красной зоне и брали интервью у первопроходцев. Теперь одна из ее подружек погибла, другая снимает документальный фильм о восхождении Эдисонов, а Руби – вот, подала заявку в Orange sun, и теперь собственный корреспондент.

Вся эта информация вывалилась на меня за несколько минут, так что я и слова не успел сказать, хотя, казалось бы, роль гида, вроде как, была возложена на меня.

Впрочем, едва мы миновали холл и вышли в узкий коридор с серыми стенами, девушка замолчала и стала с интересом осматриваться по сторонам, хотя тут пока еще ничего интересного не было.

– Станция, как вы знаете, новая, – начал я, когда мы двинулись по коридору, по стенам которого Марина разместила светильники в виде извивающихся стеблей – все разной формы, но, в то же время, удивительно гармонирующие друг с другом. Через равные промежутки в этих пластиковых зарослях можно было рассмотреть утопленные в стену двери. – Поэтому, места у нас здесь мало, только самое необходимое. Вот, накопим денег на четвертый купол, побольше, тогда сможем развернуться. Впрочем, вы, наверное, такие станции не раз видели – это стандартный проект из конструктора.

– А почему вы вообще стали строиться здесь? – деловито спросила Руби, поправляя что-то невидимое в воздухе – должно быть, настраивая виртуальную камеру.

– А где же еще? – спросил я в ответ. – Самое лучшее место – на берегу океана. Не заняли бы мы – другие бы с руками оторвали.

– Но ведь вы же были на месте Колодца, – ее глаза загорелись энтузиазмом – выражение, которое я не раз замечал у Астры. – Вы могли бы застолбить тот участок за собой.

– Могли бы, – я кивнул, поморщившись от неприятных воспоминаний. – Но что бы мы там делали? Это мертвые горы, там карстовый провал, который то и дело проседает снова и снова. Строить там базу – это нужно быть смертником. А ЭОНа там больше нет: поисковики «Юнити» перерыли весь хребет вдоль и поперек. Ничего не нашли, ни крупицы.

«А если бы я занял тот участок и попытался им помешать, они бы все равно перерыли, но закопав предварительно там мой труп», – мысленно прибавил я, но вслух говорить не стал.

– А проект, как у вас, я в самом деле не раз видела в Красной зоне, – Руби кивнула. – Вот только у вас тут все очень мило отделано. Светильники, коврики, орнамент. Обычно люди на фронтире не заморачиваются, все сурово.

Я усмехнулся.

– Есть у нас одна умелица, – ответил я. – Да и вообще, с толковыми крафтерами нам повезло. А вот здесь у нас – медицинский корпус.

Створка двери отъехала в сторону, и перед нами предстала вотчина Норберта. Назвать ее словом «корпус», конечно, значило сильно польстить. В перспективе мы и впрямь планировали отдать под публичную клинику целый купол, но пока это была небольшая коморка с одной койкой, настенным терминалом и сваленными в беспорядке черными кубиками медицинских модулей для разных целей. Возле стены стоял недавно собранный операционно-диагностический модуль второго уровня, похожий на хрустальный гроб Белоснежки.

Сам Норберт в белом халате сидел перед монитором основного терминала и внимательно изучал какие-то настройки. Когда мы вошли, он повернул к нам усталое лицо с покрасневшими глазами.

– Пошел бы поспал, что ли, – сказала я, пожав протянутую им руку.

– Некогда, – ответил он. – С твоим транспортом трое пациентов прибыли. Одной помощь прям срочно нужна, а перед этим нужно еще модуль настроить, а он... все никак...

Норберт протяжно зевнул, прикрыв рукой рот и бросив заинтересованный взгляд на Руби.

– Журналистка, – сказал я, кивнув в ее сторону. – Сейчас репортаж про нас сделает – отбоя от пациентов совсем не будет.

Норберт устало улыбнулся, протянув руку и Руби, которая с удовольствием пожала ее.

– Такой молодой у вас медик. Он был врачом на Земле? – спросила она, когда мы вышли.

– Нет, – ответил я. – Тут целая история... Врачом была его сестра, она мечтала открыть на Озимандии бюджетную клинику, чтобы людям было где лечиться, не залезая в долги. А потом она погибла... ну, вы, может быть, даже эту историю слышали – вы же журналист. Собственно, в ее честь станция названа. А Норберт твердо решил, что это лучшее, что он может сделать в память о ней – исполнить ее мечту. Ездил по окрестностям станции, собирал ЭОН, прокачал несколько медицинских навыков, добился того, что может с модулями второго уровня оперировать, стал читать литературу медицинскую. Конечно, на Земле за такое время на врача не выучишься, да еще и самоучкой. Но здешние ИскИны сильно облегчают процесс – особенно если правильно их прокачать.

– Удивительно, – Руби покачала головой. – Но что-то эта каморка маловата, для клиники-то.

– Ну, пока это можно назвать кабинетом, – ответил я. – Норберт принимает людей, которым удалось добраться из Симмонса или еще откуда. По низким ценам.

– Не совсем бесплатно, стало быть? – уточнила Руби.

– Нет, совсем бесплатно, все-таки, невозможно по техническим причинам, – ответил я, постаравшись свернуть этот разговор.

Насчет платы у нас с Норбертом в свое время вышла длительная дискуссия, чуть не вылившаяся в ссору. Он-то и впрямь хотел работать бесплатно, и, в принципе, мы могли это спонсировать, но когда я представил, какие толпы страждущих образуются тогда вокруг станции... В общем, я предложил повременить с этим до тех пор, пока у нас не будет достаточно места, людей, модулей. Мысленно отметив про себя, что достаточно, скорее всего, не будет никогда. Население Озимандии быстро росло, и большинство людей на ней едва могло себя прокормить, не говоря уж о лечении.

– Следующую комнату, извините, показывать не буду, – продолжил я разговор. – Секретность, знаете ли.

– Это где подлодка, да? – весело спросила Руби. – Я читала. Это же вы первыми обнаружили Атлантиду?

Да, Атлантиду – так пресса окрестила сложный комплекс подводных искусственных объектов – действительно, первыми обнаружили мы. Одним из первых наших проектов на станции стала подготовка подводного дрона. Проектировать его приходилось с нуля – до этого таких никто не делал.

Дрон вышел так себе: медленный, с плохой оптикой и низким запасом хода. Но и его оказалось достаточно для того, чтобы обнаружить на дне залива – а мы обосновались на берегу довольно большого полукруглого залива – подводный город озимандийцев.

Вот только исследовать его толком не вышло. При втором погружении дрон потерял управление и затонул, а спешно построенный второй был атакован морской звездой – подводным мобом с акустической пушкой. Стало ясно, что без полноценной подводной лодки, вооруженной и оснащенной хорошими сенсорами, исследовать город хорошенько не выйдет.

Обнаружение Атлантиды, конечно, породило изрядный ажиотаж. Не прошло и пары месяцев, как вдоль побережья по соседству с нами стали одна за другой возникать станции других корпораций. В паре десятков километров к северу возвышалась узкая пирамида станции Мартин, принадлежащей «Эдисон инжиниринг». Эти взялись за дело всерьез, вбухав в строительство крупной подлодки столько денег, сколько мы никогда не держали в руках. И хотя наш проект был куда скромнее, чувствовалось, что они легко могут нас обогнать. Другие корпорации тоже включились в гонку, но перед ними у нас была заметная фора.

Между тем, мы с Руби как раз подошли к большой полукруглой нише в стене. В центре нее висел портрет Сири – редкое изображение, на котором она беззаботно улыбалась. Справа от нее немного смущенно улыбался Хаген, а слева с легкой хитрецей шурился Пауль. По поводу его изображения я в свое время слегка повздорил с Норбертом и Хексеном, которые считали, что ему здесь не место. Но я был тверд: Пауль тоже был нашим товарищем, а в остальном... бог ему судья, чего уж теперь.

Помню, Норберт тогда еще пробурчал, что в нише больно много свободного места осталось – будто на случай, если потребуется поместить там кого-то еще.

Руби встала напротив ниши, глубокомысленно вздохнув. В следующую секунду широкие двери столовой впереди по коридору раскрылась с тихим шипением, и на пороге появилась Касуми, одетая в черную футболку и джинсы с фигурной дырой на колене.

– О, Фрай! – воскликнула она. – Слава богу, ты здесь! Тут без тебя такой...

Она проглотила последнее слово, недовольно покосившись на Руби, с интересом взглянув на нее.

– Кажется, у меня образовались срочные дела, – сказал я журналистке, давая понять, что хоть мне и очень жаль, но ей стоит удалиться. Она в ответ разочарованно пожала плечами.

– Там сейчас экскурсия по побережью будет, – утешил ее я. – Еще успеете.

– Ну, что у тебя? – спросил я Касуми, когда Руби удалилась по коридору достаточно далеко.

– Да полный вперед! – ответила она взволнованно. – Начнем с того, что Астра пропала.

Глава 2

– Как, пропала? – должно быть, я настолько сильно побледнел, что Касуми стало не по себе от одного моего вида, и она поспешила меня успокоить

– Ну, не то, чтоб прям пропала, – проговорила она. – Но улетела на разведку, как обычно, а на запросы не отвечает. Я два раза вызывала уже, хотела сейчас уже экстренный сигнал давать, но, наверное, лучше, если ты...

– Так, ну-ка, дай-ка, я с ней свяжусь, – ответил я, отдавая мысленную команду Сири пометить вызов, как именной и срочный. Несколько секунд в моем наушнике стояла гробовая тишина, а затем послышался негромкий шелест двигателя, а на виртуальный экран перед глазами спроецировалось лицо Астры: под белым изящным шлемом – знакомая непослушная челка, озорные голубые глаза и старомодные очки.

– Привет! – произнесла она. – Ты чего трезвонишь? Мне тут некогда. Я засекала стаю птиц, нужно понаблюдать, тут должен быть поблизости остров, а то и вообще другой материк!

– Какой, нахрен, материк! – едва не вскрикнул я. – Ты знаешь, сколько времени ты в воздухе? Сколько осталось заряда?

– Ой, успокойся, – Астра поморщилась. – Заряда еще на тридцать восемь минут. А лёту до Сири по прямой всего-то... хм... тридцать семь минут... в смысле...

– Быстро назад! – рявкнул я, похолодев.

– Не ори на меня! – вспыхнула Астра. Однако, она и в самом деле начала разворачивать «Альбатрос», судя по пейзажу за спиной. – Ты ведешь себя так, словно ты мне отец!

– «Я тебе муж!» – хотел, было, выкрикнуть я, но, вовремя сдержался. По прошлому опыту я знал, что этот аргумент не работает, а неделю спать в одиночестве мне совсем не хотелось. Убедившись, что глайдер Астры точно лег на обратный курс, я молча выключил связь.

– Ладно, – сказал я Касуми с деланной беззаботностью. – Она уже или долетит, или не долетит, тут ничего не поделаешь.

Касуми неуверенно улыбнулась. Она, конечно, хорошо понимала, что на самом деле я вовсе не так спокоен, и прямо сейчас с помощью Кристи перепроверяю расчеты, раздумывая, не начинать ли спасательную операцию. Впрочем, по всему выходило, что энергии у Астры, все-таки, хватит.

Вместе с Касуми мы вошли в тесноватую столовую, и я открыл менюшку новенького пищевого фабрикатора, возвышавшегося в ее центре матовой белой колонной. Его мы недавно выписали из Симмонса за немалые деньги после того, как половина станции решительно заявила, что сыта по горло хлебом, похожим на жеванную бумагу, и пластиковой кашей. Больше всех тогда митинговала Марина и явно под ее влиянием – Хосе, который сам-то по себе был к комфорту равнодушен и питаться может чем угодно.

– Что еще у вас тут случилось? – осведомился я, усевшись на табуретку. Фабrikатор негромко загудел, печатая заказанный мной бургер.

Многие на Земле завидуют нам из-за того, что мы будто бы делаем еду из воздуха. На самом-то деле это не совсем так: фабрикатору нужна энергия и кое-какое сырье, а кроме того, для работы ему необходим ЭОН, который он забирает прямо у оператора. Правда, на один бургер его уходит так мало, что мой счетчик эту трату даже не зарегистрировал. Но те, кто изготавливает сложные машины, могут запросто потерять целый уровень в процессе.

– Лейси с Норбертом опять на ножах, – ответила Касуми. – «Гном» был настроен печатать новый второй операционный модуль, программа почти доработала, как вдруг ночью пришла Лейси и отменила ее, врубил экстренный ключ и начала лепить какой-то агрегат для подлудки. Теперь открытие клиники откладывается, Норберт на нее наорал, с Хексеном чуть не подрался.

– Как дети, честное слово, – только и смог выговорить я.

– Но это еще не все, – произнесла Касуми, принохиваясь к начавшему пробиваться из фабрикатора мясному аромату и явно раздумывая, не заказать ли и себе что-нибудь. – Хексен с Лейси тоже поцапались. Увидел Хекс, как она флиртует с доктором и теперь ходит мрачнее тучи, ни с кем почти не разговаривает, все проекты стоят.

– С доктором? – переспросил я. – Флиртует?

Доктор Симон Карпентье был, наверное, самым удачным приобретением нашей корпорации с момента основания станции. Когда-то он преподавал у Астры в Объединенном университете, но после ее побега с Земли она не имела от него вестей, а тут вдруг решила набрать, и узнала, что доктор после болезненного третьего развода из университета уволился, сидит дома и преувеличенно налегает на домашнее вино. Тут-то она и предложила ему махнуть на Озимандию: а почему бы нет?

Оказалось, что доктор еще до своей драмы Озимандией очень интересовался, смотрел стримы, и все хотел разобраться хорошенько с тем, как работают фабрикаторы, но дистанционно в этом понять ничего было нельзя. Нужно было лететь самому, но куда же лететь от семьи? Теперь же оставаться стало, вроде как, незачем.

Прибытие доктора на планету вызвало немало разговоров в определенных кругах: он стал едва ли не самым авторитетным ученым на планете. Да еще и с весьма перспективной специальностью: материаловед, а не биолог, как, скажем, доктор Чжоу. Не успел он ступить на поверхность планеты, как тут же получил несколько самых заманчивых предложений и из «Юнити», и от «эдисонов», и еще от кого-то, но все их отклонил – из уважения к Астре.

Лейси он и в самом деле, кажется, интересовался, но едва ли имел при этом далеко идущие намерения – скорее, уважал ее, как толкового специалиста, проявляя при этом старорежимную галантность.

В общем, следующей, кого я набрал была Лейси. На экране она предстала в белой блузке с узким черным галстучком, отчего я едва сдержал улыбку. Безалаберная и панковатая Лейси не одевалась так, наверное, со времен, когда перестала носить школьную форму. Почему-то именно этот наряд подсказал мне, что все серьезно.

– Привет, – сказала она, не глядя на меня. Судя по движениям рук, она была занята какими-то тонкими настройками – за ее спиной был освещенный яркими лампами серый купол нашего дока.

– Привет-привет, – проговорил я в ответ, стараясь прибавить в голосе суровости. – Слушай, хоть ты можешь ответить мне на вопрос: какого хрена здесь творится? Почему стоит мне уехать на пару дней и не держать руку на пульсе, как начинается какой-то балаган?

– А я-то чего? – Лейси захлопала глазами. – Этот придурок психанул и стер весь код для старого фабрикатора, да еще засорил сопло. Там кофе делался на всю станцию, и на продажу еще. Теперь кофе не будет, а будет много траханья с ремонтом. И ты при этом звонишь мне, а не ему. Это нормально вообще?!

– С Хексеном я отдельно поговорю, – пообещал я. – Это у меня дальше по плану. И со всеми остальными – вся команда с ума посходила. Мы сейчас про тебя – ты его ничем не провоцировала?

– Слушай, ну, правда, ничем я его не провоцировала, – Лейси брезгливо передернула плечами. – Просто он решил, что я его собственность. А я, между прочим, с ним даже не спала. Ну, почти.

Она криво улыбнулась и покраснела.

– Мне доктор просто подарил свою монографию с дарственной надписью, – продолжила Лейси. – Монография, между прочим, очень крутая, и для меня, как для крафтера, полезная. Надпись была, конечно, игривая, но что в этом такого? А Хексен увидел – вырвал страницу и выкинул в утилизатор, за что, естественно, тут же получил от меня по морде. И вот скажи, нормально это? И кто кого провоцирует?

– Короче, еще и с доктором надо поговорить, – вздохнул я. – Старый ловелас. Трижды был женат, и все туда же.

– Не трогай доктора, он-то в чем виноват? – вскинулась Лейси.

– Разберемся, – ответил я.

Фабрикатор в это время мелодично звякнул, давая понять, что бургер мой готов. Я достал его – чуть дымящийся, ароматный, со стекающим на черную тарелку расплавленным ломтиком сыра, и водрузил перед собой на столик.

– Ты мне лучше скажи: а с Норбертом вы что не поделили? – спросил я, прожевав первый кусок. Отчего-то мне подумалось, что фабрикат, в принципе, позволяет создавать любые блюда с любыми, совершенно неслыханными характеристиками и вкусами. Но никому не приходит в голову этим пользоваться, все стараются как можно точнее воссоздать то, что мы ели на Земле. Интересно, перережется ли когда-нибудь пуповина, которой мы все до сих пор привязаны к родной планете?

Лейси закатила глаза.

– И этот уже нажаловался, что ли? – спросила она. – Ну, серьезно, кому важнее успеть к сроку: мне или ему? Если он откроет свою клинику на три дня позже, что от этого, небо на землю упадет? Да ничего не будет. А если я не успею сделать подложку раньше «эдисонов», то можно вообще не делать. Они регистрируют свои права на Атлантиду – и привет. Мы будем только смотреть на них и локти кусать. Серьезно, мы же сто раз обсуждали это уже.

– Сто раз обсуждали, – твердо сказал я. – И я тебе сто раз говорил: больница – это тоже важно. Даже если оставить в стороне простую человеческую жалость, это же наша репутация, а репутация – это деньги. Вот сейчас приехали двое тяжелых больных, а в стационаре их не разместишь, потому что нет стационара.

– Он бы к сегодня так и так не построился, – парировала Лейси. – Модуль этот все еще делался бы. И, кстати, от «эдисонов» мы уже отстаем понемногу из-за этой жалости и репутации. Есть у меня там источники, знаешь ли. Если не поторопимся, так и останемся в заднице, а корпорацию можно будет банкротить.

– Ну, так уж и банкротить, – я покачал головой. – Это ты преувеличиваешь.

– Ничего я не преувеличиваю, – Лейси откинула наполовину зеленую, давно не крашенную прядь со лба. – Донаты уже сейчас не окупают всю эту возню, можешь Астру спросить, она в подробностях расскажет – мы с ней вместе модель рассчитывали. Нам нужно какое-то чудо, чтобы ухватиться за ступеньку выше и не свалиться вниз. Таким чудом могла бы быть Атлантида. Норберт же твой только тянет деньги из бюджета, а толку от его проекта – ноль, и хорошо, если он когда-нибудь будет сам себя окупать.

Возразить по существу было нечего. И все это, в самом деле, было говорено-переговорено еще полгода назад. Но, черт возьми, с каких пор это стало поводом нарушать мой прямой приказ? Я здесь директор или кто вообще?

– Так или иначе, мы распределили время работы «Гнома», и ты с расписанием согласилась, – сказал я, стараясь говорить как можно более спокойно. – Или мне что, в письменном виде с вас расписки брать? Я начну, честное слово.

Лейси снова закатила глаза, давая понять, где она видала все эти разговоры.

– Ладно, – проговорила она с недовольным видом. – Больше не буду без расписания лезть. Все равно, корпус теперь готов, а начинка... непонятно, где оставшееся брать.

– Будем считать, что мы друг друга поняли, – кивнул я ей. – Кстати, хотел тебя спросить. Видала такое когда-нибудь?

Я вывел на экран кадры недавнего боя с белыми мобами.

– Ого, – Лейси присвистнула. – Нет, такое впервые вижу. Ты лучше базу данных запроси. Или уже сразу Легендарium.

– Даже в Легендариуме нет, – ответил я. – Уже проверили. Я думал, может, ты у «эдисонов» о чем-то подобном слышала.

– Никогда, – уверенно ответила Лейси. – Это что-то совсем новое. Нужно срочно в базу отправить.

– У одного из них отвалился кусок и упал куда-то в лес, – добавил я, выводя на экран карту. – Где-то здесь должен быть. Нужно съездить при случае.

– Конечно, надо, – кивнула Лейси. – Мы с доктором соберемся и...

Она сбилась и вспыхнула.

– Хосе возьмите, – усмехнулся я. – Там нужно будет дорогу расчистить, пусть старый огнеметный модуль поставит. Только не сейчас – завтра. Нам всем отдохнуть надо.

Я отключил связь, поглядев на тарелку, где от бургера уже остались одни крошки. На очереди были беседы с доктором, Хексом и Норбертом. Затем нужно встретить Астру и обсудить финансы. Потом узнать, все ли в порядке у наших новых постояльцев. А отосплюсь я, видимо, только в гробу.

Звезды медленно перемещались надо мной по потолку капсулы. Не настоящие, конечно: это была моя любимая настройка для экрана, еще с тех времен, когда я спал один в отеле Симмонса. Сейчас же рядом лежала Астра, совершенно обнаженная, прикрытая лишь простынкой, и сосредоточенно водила кончиком пальца по моей груди.

– Чего они все, как с ума посходили? – спросил я.

– Ммм? – переспросила Астра, кажется, немного утомившаяся.

– Ну, Лейси, Норберт, Хексен... да все почти. Вся дисциплина летит в ад и хлопает в ладоши.

– А ты заведи у нас гауптвахту, – хихикнула она. – Тебе же Пауль когда-то предлагал, ты рассказывал. Будешь всех сурово наказывать за малейшую провинность.

– Не мешало бы, – я тоже усмехнулся. – И начну с тебя. Вот что это было сегодня?

– Да, давай, накажи меня, я плохая девочка! – проговорила Астра, эротично выгибаясь.

– Слушай, давай серьезно, – сказал я, не принимая игру.

Астра сделала недовольное лицо и села по-турецки, едва не ударившись головой о фальшивое звездное небо и прикрывшись простыней только ниже пояса.

– Если хочешь серьезно, то вот что я тебе скажу, – произнесла она с легким вызовом в голосе. – Когда-то мы сбежали сюда с земли, думая, что здесь будет очень опасно... и очень интересно.

– И что же, разве ожидания не оправдались? – спросил я. Мне-то казалось, что в этом смысле ребята нашли на Озимандии сильно больше, чем искали.

– Поначалу, конечно, да, – Астра кивнула с серьезным выражением лица. – Даже слишком. Но потом... Понимаешь, дальше началось что-то такое... больше похожее на бизнес, чем на науку, которую мы мечтали делать. Деньги, деньги, вечно на все не хватает. Надо экономить, надо вести учет, надо торговать, и все время одно и то же. Лейси с Хексеном целыми днями горбятая над фабрикатами и света белого не видят. Норберт выбивается из сил со своим госпиталем. Касуми, натянув улыбку на лицо, не вылезает со стримов, чтобы мы не обанкротились. Я, вот, как удастся поднять голову от терминала, так сразу бегу к «Альбатросу» и лечу на разведку. Да, собственно, разведку-то можно было бы и дроном вести, а мне просто голову проветрить хочется и почувствовать свободу.

– Я понимаю, о чем ты, – сказал я, вздохнув. – Вы сюда бежали от рутины, а тут, вроде как, тоже рутина. Но... это ведь где-то так и выглядит взрослая жизнь, к которой вы стремились. Welcome to the club.

Астра скорчила недовольное лицо, и я поневоле умилился этой совершенно детской гримасе.

– Ты опять говоришь, как мой отец, – сказала она. – Кстати, как он там?

– Я давно с ним не общался, – ответил я удивленно. Мы с Астрой почти никогда о нем не говорили. – Незачем.

– Если вдруг позвонит еще, то ты уж его не игнорь, – сказала она неожиданно. – Знаешь, он, все-таки, много для меня сделал и, наверное, по-своему хотел для меня добра. Впрочем, так или иначе, я, рада, что здесь он меня не достанет.

– Да уж, для этого ему пришлось бы лететь сюда вместе со всей своей корпорацией, – я усмехнулся, представив себе, какой фурор такое прибытие произвело бы на Озимандии – да, пожалуй, и на Земле.

Интересно, кстати, почему никто из воротил бизнеса до сих пор не предпринял подобный финт ушами? Теоретически, бегство на Озимандию могло бы, к примеру, спасти бизнес от банкротства или недружественного поглощения. Ведь здесь разом перестают действовать все заключенные на Земле договоры, и никакая налоговая тебя не достанет. Однако же денежные мешки изо всех сил держатся за Землю. Все там думают, что Озимандия – это какое-то царство первородного хаоса, где современные земные подходы к бизнесу не работают. Что здесь время застыло где-то между эпохой конкистадоров и калифорнийской Золотой лихорадкой.

Они боятся Озимандии. И правильно делают.

– В общем, все просто устали, – вернулась Астра к прерванному разговору.

– Ну, хорошо, – сдался я. – И что же ты рекомендуешь? Устроить вечеринку?

– Это было бы классно, – сказала Астра. – Между прочим, скоро исполнится год с момента основания «Вольных птиц». Ты не забыл? Вот и отличный повод.

– Земной год – еще не скоро, – ответил я.

– Пора переставать ориентироваться на земные меры времени, – Астра подняла тонкий палец вверх с преувеличенной серьезностью. – Раз планета, на которой мы живем, обернулась вокруг солнца, значит, прошел год. И какая, к черту, разница, что на какой-то другой планете, в сотнях световых лет от нас, он еще не прошел? Это просто абсурд!

Я нежно улыбнулся, глядя на ее.

– Будь по-твоему, – ответил я. – Можешь завтра сама в корпоративный чатик написать, что вечеринка грядет, а ты – ответственная за подготовку.

– Но это... не главное, – прибавила Астра, слегка посерьезнев. – Нужна какая-нибудь победа, понимаешь? Прямо сейчас, чтобы у всех глаза снова заблестели. Атлантида – когда еще будет, а нужно придумать что-нибудь прямо сейчас. А потом, заодно, и отпраздновать. Ты же собирался устроить экспедицию к Черному кораблю?

Я призадумался. Черный корабль давно уже не выходил у меня из головы. Мы обнаружили его, когда только начинали осваивать выделенный нам участок.

Холм продолговатой формы, похожий на перевернутую лодку, густо поросший лесом, среди которого то и дело проглядывали какие-то тонкие металлические мачты, а содранный кое-где дерн приоткрывал тускло поблескивавшую черную поверхность – какой-то покатым корпус, кажется, из обсидианита.

Хексен тогда первым предположил, что это может быть корабль. До моря оттуда было рукой подать, так что не исключено, что это было судно, выброшенное на берег в незапамятные времена. А может быть – даже воздушный транспорт, а то и космический. Озимандийцы продвинулись в антигравитационных технологиях куда дальше нас – и дальше Тлаку, наверное. Им ничего не стоило поднять в воздух машину размером с дом и заставить ее висеть над землей. К тому же, холм находился на прямой линии между Мертвым городом и ближайшим к нему участком побережья. Это тоже могло быть не случайно. Кто-то летел к морю из города и не долетел?

Мы пробовал сунуться к Черному кораблю еще тогда, но оказалось, что без мощной военной операции здесь ничего не выйдет. Едва дрон подлетал к объекту, тут же становилось очевидно, что на Корабле не то сохранилась прежняя команда, не то завелась новая.

Сперва начинались помехи, затем открывался плотный, хотя и как будто рассогласованный огонь из излучателей, а один раз из неприметного люка вылезли, один за другим несколько тяжело гудящих бочкообразных аппаратов, взмывших в воздух, и быстро расстрелявших очередную наш беспилотник.

В ту пору мы только начинали исследовать океан, и потому возможность разобраться хорошенько с этой черной хреновиной на юге оставили на потом – Атлантида казалась перспективнее. Но раз уж подводная Одиссея застопорилась и грозила вовсе вылиться в фиаско, от которого команда окончательно впадет в депрессию и перессорится, стоило попытаться счастье хотя бы здесь.

– Окей, – сказал я. – Завтра же начнем планировать операцию. Туда с наскока лезть нельзя – нужно попробовать понять, где слабое место.

Астра просияла.

– Ага! – воскликнула она. – А ты еще собирался меня на гауптвахту сажать! Как видишь, и от меня есть польза!

– Есть и еще какая! – усмехнулся я, протянув руку и потянув на себя простынку с ее бедер.

Астра в ответ потянулась ко мне губами. Но за секунду до того, как забыть обо всем, я, все-таки, нехотя произнес:

– Слушай, еще кое-что...

Астра остановилась и взглянула на меня немного разочарованно.

– Не стоит тебе, все-таки, летать там одной, – продолжил я. – Я понимаю, что разведка — это очень важно. Но здесь рыскают какие-то совсем лютые mobs. Летающие. Я тебе покажу... завтра. И они ушли именно в сторону моря. Не исключено, что где-то там они и базируются, на островах.

Лоб Астры перечеркнула недовольная морщинка.

– Я летаю очень осторожно, – твердо произнесла она, давая понять, что отнять у нее эти полеты никто не сможет. – Если хочешь, давай летать вместе, как раньше. Я не против, но у тебя же вечно дела...

Я вздохнул. В самом деле, когда мы только купили пару «Альбатросов», то нередко летали над морем вместе, и это было удивительно. Такого чувства свободы и восторга я не испытывал, наверное, с детства. Вот только... в самом деле, когда теперь, со всей этой суматохой? И это ведь Астра еще не знает самую главную новость, что я привез из Симмонса... Рассказать ей сейчас? Нет, пожалуй, не надо. Это будет долгий разговор, а я совсем не так хочу провести эту ночь.

– Ладно, иди ко мне, – тихо проговорил я, и теперь простынка с бедер Астры соскользнула уже без всякого труда, а мои губы соединились с ее губами.

– У тебя вызов от Gleo, – произнес вдруг в моей голове бесстрастный голос Кристи, и я едва не подскочил от неожиданности. С моим самоназначенным советником мы не общались уже пару месяцев, а до этого он звонил лишь несколько раз без особенного повода – так, поинтересоваться, как у меня дела. Больше из вежливости, я полагаю: у меня не было ни малейших сомнений в том, что он и без моих отчетов прекрасно знает, как идут мои дела. Не исключено, что лучше меня.

Однако сейчас его звонок был совсем не к месту, и я мысленно попросил Кристи его сбросить.

Подождет Gleo. И вся остальная Вселенная тоже вполне может подождать.

Глава 3

Этот сон снился мне за прошедший год уже не в первый раз и даже не в десятый. Я стоял на крыше очень высокого, игольчато-узкого здания, можно сказать, небоскреба, выстроенного из мраморно-белого гладкого материала, а далеко внизу, в тумане мерцали зеленоватые огни города. Чужого, неземного города.

Холодный ветер гнал над моей головой темные облака. Иногда в их разрывах проглядывало небо с редкими тусклыми звездами.

А еще был голос. Он звучал словно бы одновременно отовсюду: тяжелой вибрацией пробивался сквозь пол из недр белого здания, едва слышным шепотом доносился от огней внизу, гремел из темных облаков над моей головой, и даже раздавался внутри самой головы.

– Не сможешь понять, но сможешь исполнить! Не сможешь понять, но сможешь исполнить! Не сможешь понять, но сможешь исполнить!

Одни и те же слова, снова и снова. Казалось, сама ткань реальности вибрирует от их звука, и по воздуху идет мелкая рябь.

А затем огни внизу слились в ослепительную вспышку и устремились вверх, к темным небесам. Яркий свет окружил меня со всех сторон, и я почувствовал, как растворяюсь в этом свете, перестаю существовать и превращаюсь во что-то... большее, чем я? Или просто совершенно иное?

Это было страшно. Возможно, даже страшнее, чем умереть, потому что после смерти меня не будет, а после этого – буду, но не я. Я попытался бежать, но куда можно было деться с абсолютно голой крыши размером не больше нашей кают-компания и залитой со всех сторон холодным хирургическим светом? Этот свет выжигал меня изнутри, уничтожая все, чем я был.

И пока остатки моей личности бились в агонии, на их месте прорастало что-то новое: новые знания, чувства, образы.

Это было очень похоже на то, что я испытал тогда, возле Колодца: огромная межзвездная империя предстала перед моими глазами во всем своем блеске, только на этот раз я был ее частью. Миллиарды существ, разбросанных по всей галактике, ждали моего решения, возлагали на меня надежды, молились и проклинали.

– Не сможешь понять, но сможешь исполнить! – вновь и вновь звучало колоколом в моей голове.

После этого свет поглотил меня, и я перестал существовать. А затем – проснулся.

Я открыл глаза и осторожно приподнялся, чтобы не разбудить крепко спавшую Астру. Нарисованные звезды медленно плыли над моей головой. Беззвучная мысленная команда вызвала на панели перед моими глазами часы: 3.16 по местному времени. До рассвета еще далеко.

С этим сном нужно было что-то делать. После того, как он приснился мне первые раза три, я сходил к Норберту и попросил проверить меня новым продвинутым медицинским модулем. Ничего пугающего он тогда, вроде бы, не нашел. Никаких опухолей, никаких неврологических нарушений.

Но кое-что, все-таки, было. Какая-то аномальная активность, не локализованная в мозгу, но словно блуждающая по разным его отделам. Ни ИскИн модуля, ни Норберт – который, в общем-то, был медиком без году неделю – не могли идентифицировать то, что они обнаружили. Не могли они даже и толком разобраться с тем, связано ли это каким-то образом с моим повторяющимся сном, с Колодцем, вообще хоть с чем-то, и угрожает ли как-то моему здоровью. Просто какая-то паразитная информация, блуждающая без всякого дела в моей голове. Нор-

берт пошутил, что строители Колодца, видимо, попытались установить в мое сознание какой-то патч, но он не очень-то хорошо встал на мою операционную систему.

По-хорошему, следовало бы обратиться в клинику посерьезнее, но я не видел в этом нужды. Подумаешь, сон. Кажется, ничего страшного.

Впрочем, в последний мой визит на Симмонс я собирался, все же, забежать в местную клинику «Юнити» и обследоваться, но не успел. Во-первых, сенсорный модуль для Астры оказался бракованным – не работал тепловизор – и пришлось ругаться с крафтером, что его мне продал, и ждать, пока он все исправит. Во-вторых, задержали дела Ассамблеи – я не знал, что все настолько затянется.

Первоначально я вообще не хотел участвовать в заседании озимандийского парламента, тем более – лично. Будучи главой корпорации с собственной станцией, я имел на это право, но дело это было скучное, вопросы там, преимущественно, обсуждались совсем меня не касающиеся, а вес моего голоса был слишком мал, чтобы на что-то влиять. Регламент Ассамблеи принимался во времена, когда «Юнити» властвовала на планете безраздельно, и закреплял за ней серьезные привилегии, делающие голосование по многим чувствительным вопросам простой формальностью.

Участвовать в этой кукольной комедии мне было некогда, да и неохота, так что обычно я отправлял туда Касуми с наказом ни в коем случае не спать, а если, паче чаяния, будет обсуждаться что-то интересное, то рассказать мне об этом. Однако в этот раз, в ответ на формальное письмо о том, что вместо меня будет присутствовать представитель по доверенности, я тут же получил сообщение лично от Фернандо Гутьереса – зампреда Правления «Юнити», друга Кади и спикера Ассамблеи. Спикер уведомлял меня о том, что мое личное присутствие на заседании будет крайне желательным.

Это было неожиданно. Никогда прежде моя посещаемость никого в Ассамблее не беспокоила, тем более – самого спикера. После такого не прийти было бы невежливо, так что пришлось выкроить время и явиться в зал заседаний на первом этаже правительственного купола станции.

Я слышал, что первоначально этот зал был не больше школьного класса, и заседали в нем в ту пору человек пятнадцать – главы первых корпораций. Сейчас все они – те, кто дожил до сего дня – богатейшие и влиятельнейшие люди на Озимандии.

Но корпораций становилось все больше, и каждая из них получала право на кресло в Ассамблее, пусть даже фактически их голос и был совещательным. Поэтому зал сперва расширили, затем снабдили специальными голопроекторами для удаленного присутствия депутатов, а затем расширили еще раз, превратив в нечто вроде заправского парламентского зала, выстроенного амфитеатром.

Я протиснулся между пробирающимися на свои места депутатами и занял одно из мест на самом верху, где был установлен значок нашей корпорации, некогда нарисованный Астрой: белые крылья на голубом фоне. Депутаты с ровным гулом рассаживались по своим местам. Примерно половина из них была пуста, и голопроекторы над ними проецировали изображения глав корпораций или их заместителей. Похоже, персональное приглашение прислали не всем – ну, или многие им манкировали.

Вопреки моим ожиданиям, ничего революционного на повестке дня не было. Сперва обсудили права на несколько новых участков – с тех пор, как я открыл дорогу к побережью, все, кому не лень, стремились застолбить себе его кусочек. Никаких споров не было – все права были законными, а то, что половину новых станций выкосят морские мобы – так это дело хозяйское.

Затем перешли к формированию комитета картографии. В комитет никто особенно не рвался – дело предстояло скучное и неприбыльное, хотя и, в общем, нужное. Кое-как сформировали – в основном, из сателлитов «Юнити», которым хотелось высунуться.

Третьим вопросом было заявлено обсуждение новой благотворительной программы под эгидой «Юнити» – сбора средств на лекарства для бесплатной раздачи нуждающимся. Надо сказать, что к этому моменту я уже почти засыпал в своем кресле, испытывая искреннее недоумение по поводу того, зачем спикер так добивался моего присутствия на этом рутинном заседании.

– Этот сбор – бессмысленная показуха! – буквально прорычал в микрофон первый взявший слово оратор, и я тут же проснулся, подобравшись в кресле.

Оратора звали Санджай Танна, в качестве ника он, не мелочась, выбрал себе имя Кришна, и, надо сказать, внешне в самом деле слегка походил не то на индийского бога, не то на пророка. Высокий, худощавый, с черной неухоженной бородкой, в традиционном пиджаке-шервани, он возвышался над трибуной немим укором бюрократии. Мне и раньше приходилось его слышать на заседаниях, где вечно выступал возмутителем спокойствия.

– Нам предлагается отдать деньги, которые будут тратиться бесконтрольно, – продолжал он. – Сколько уже было таких благотворительных программ, и помогли ли они хоть кому-то?

– По всем благотворительным программам в адрес Ассамблеи направляются отчеты о расходовании средств, – жестко проговорил из президиума спикер Гутьеррес. – Вы, несомненно, могли бы их изучить, если бы чаще присутствовали на заседаниях.

– Я бы тратил больше времени на эти заседания, если бы это хоть как-то могло помочь моим братьям, – заявил в ответ Кришна. – К сожалению, надеяться на это не приходится, так что я предпочитаю помогать им сам.

Это было чистой правдой – корпорация Кришны «Дом солнца» составила себе репутацию одной из самых щедрых на планете. Их песочно-желтые грузовики постоянно колесили по палаточным лагерям, окружившим крупные станции, распространяя еду и лекарства среди нуждающихся – и даже изгоев.

– Предлагаю оставить в стороне эту пикировку и перейти к сути вопроса, – раздраженно произнес Гутьеррес. – Если вы не доверяете предлагаемой программе, можете отказаться от участия, это будет отмечено в протоколе. Собственно, в таком случае вас и в Ассамблее никто не держит.

– Вот в этом-то ваша ошибка! – бросил в ответ Кришна. – Вы не держите людей, а люди не держатся за вас. Вы смотрите на людей, как на винтики в машине по выколачиванию из планеты ЭОНа. Хороший винтик, прочный – вы его берете. А если хрупкий или сломанный – выбрасываете. Выгляните из своего офиса на то, что творится вокруг Симмонса. Вся Зеленая зона уже завалена этими выброшенными винтиками. Ваш корпоративный суд отключил аккаунты сотням людей, которые теперь вынуждены жить за воротами станции, болеть и голодать. Другие же оказались там без всякого суда – из-за того, что потеряли снаряжение или не смогли выплатить кабальные кредиты. Там процветает воровство, проституция, наркомания, там орудуют пиратские вербовщики. А вы сидите в своих левитирующих креслах, смотрите на это все с последнего этажа, и время от времени кидаете людям обьедки с барского стола, половина из которых до пола не долетает, потому что их сразу хватают прикормленные стервятники из числа ваших подрядчиков!

– Знаете что, господин Кришна, держитесь, пожалуйста, в рамках приличия, пока я не удалил вас из зала, – проговорил Гутьеррес – казалось, он сдерживается с большим трудом. – Вы обвиняете «Юнити» в том, за что она никак не может нести ответственность. Мы – не детский сад и не Армия Спасения. В конце концов, речь идет о людях, которые добровольно приняли решение отправиться на Озимандию, а затем по безалаберности или по иным причинам растратили первоначальную помощь, остались без машины и без средств. Мы не тащили их сюда не силой. Мы не отнимали у них машины, скафандры и харвестеры. Мы можем им

сочувствовать и посильно помогать, но ничто нас к этому не обязывает, понимаете? На этой планете каждый сам кузнец своего счастья. Как, впрочем, и на Земле.

– Если здесь каждый сам кузнец своего счастья, то для чего же мы вообще собираемся в этом зале? – усмехнулся Кришна. – Не лучше ли было бы нам разъехаться по своим станциям, понаставить вокруг них турелей и стрелять во всякого, кто покажется в радиусе их поражения. Для чего мы делаем вид, что нам не наплевать на ближнего, если нам наплевать на них с высоты нашего благополучия?

– Это демагогия, – бросил спикер. – Вы все время хотите выставить крупные корпорации какими-то зажавшимися аристократами, купающимися в доставшейся даром роскоши и ничего не знающими о нуждах простого народа. Вот только никто из нас не родился с серебряной ложкой во рту. И я, и председатель Монд, и правление «Эдисон инжиниринг» – все мы когда-то точно так же начинали с базового трицикла с мелкокалиберным пулеметом, спали на полу и пили тошнотный «тонизирующий напиток». Все, без исключения. И мы хорошо знаем, что тот, кто трудится, добьется успеха. Но в последние годы Озимандию наводнили лузеры и инфантильные дураки, думающие, что здесь кто-то будет с ними нянчиться. Никто не будет – и это должно быть написано прямо над входом в офис Tlaku inc. на Земле большими неоновыми буквами.

– Все это лишь слова, – Кришна покачал головой, уперевшись руками в столик, игравший для него сейчас роль трибуны. – Ваши лишения, какие бы они ни были, не обязывают никого также их терпеть. Здесь у меня десятки заявлений от людей, находящихся в отчаянном положении.

Кришна нажал кнопку на экране планшета, и голопроектор вывел в пространство рядом с ним – один за другим – больше десятка полупрозрачных белых прямоугольников, исписанных мелким шрифтом.

– Это вдовы выжигателей, погибших при исполнении ваших заказов, – в голосе Кришны прорезалась сталь. – Это люди, ограбленные пиратами. Это те, у кого расплодившиеся в Симмонсе бандиты отнимают последнее. Это больные и искалеченные люди, потерявшие последнюю надежду и побирающиеся ради куска хлеба. Все они, по-вашему, лузеры и лентяи, да?

– Мы делаем все возможное, чтобы сгладить социальное напряжение в колонии, – проговорил Гутьеррес.

– Должно быть, ничего, кроме этой канцелярщины, вы не сможете сказать даже Высшему Судье, когда предстанете перед ним, – ответил со вздохом Кришна, после чего одернул шервани, развернулся на месте и направился к выходу из зала.

Его речь произвела эффект детонатора. Скудное рутинное заседание мгновенно превратилось в птичий базар. Ораторы перекрикивали друг друга, забыв про регламент выступлений. Одни защищали политику «Юнити», называя Кришну популистом и радикалом. Другие взывали к гуманизму, требуя пересмотра социальной политики. Об изначальном вопросе все забыли, и призывы спикера вернуться к конструктивному обсуждению пропадали втуне, пока он вручную не поотключал микрофоны половине зала, а некоторым удаленным участникам вовсе не отрубил каналы. Только после этого стало потише, и стало возможно провести голосование.

Решение о лекарственном сборе было принято, хотя правильнее было бы назвать это словом «продавлено» – при большом числе голосов «против». Альтернативная резолюция о необходимости хотя бы подумать о единой системе социальной помощи – не прошла. Злые друг на друга парламентарии стали расходиться.

Я тоже поднялся со своего места, раздумывая о том, успею ли я еще до отъезда забежать в клинику и пройти хотя бы какой-нибудь экспресс-скриннинг, как вдруг меня остановило высветившееся на экране сообщение от спикера: «Подойдите к правительственному лифту, пожалуйста».

Лифт поднял меня и хранящего молчание Гутьерреса на один из верхних этажей Симмонса, закрытых для публики. Мне доводилось здесь бывать ранее, когда я захаживал в гости к Кади. Вот только прошли мы не в его кабинет, а дальше по коридору с белоснежными стенами – к широким, но почти незаметным на фоне стены дверям, которые бесшумно разъехались в стороны перед нами.

Но еще до того, как мы вошли в них, меня поджидала неожиданность. Навстречу нам, в безукоризненном сером костюме и с планшетом подмышкой вышла Астрид Оксенштерна, приветливо кивнувшая Гутьерресу, а затем и мне, и направившаяся по своим делам, постукивая каблуками дорогих туфель.

О том, что моя старая знакомая после спасения из Колодца сделала карьеру в «Юнити», я был наслышан, мы пару раз с ней общались. Но я не знал, что взлетела она настолько высоко, чтобы запросто захаживать в двери, открывшиеся сейчас перед нами. А я, конечно, уже догадался, куда мы пришли.

Кабинет Мустафы Харима, Председателя Правления «Юнити», известного под ником Монд, был вдвое просторнее, чем у Кади, благодаря широкому панорамному окну, выходящему на юг, за которым сияло выглянувшее из-за облаков оранжевое солнце. Воздух был наполнен каким-то сладким восточным ароматом, что-то вроде ладана. За ажурным прозрачным столом расположился сам хозяин – высокий, смуглый, с лицом, прошитым жесткими морщинами, с сединой в коротко остриженных волосах.

На самом деле он был, насколько мне известно, ненамного-то старше Кади, но выглядел... не то чтобы стариком, нет, скорее Кади – сидевший тут же, слева от него, и приветливо кивнувший мне, когда я вошел – выглядел на его фоне чуть ли не мальчишкой. Даже не зная здесь никого, я мгновенно понял бы, кто здесь главный.

– Добрый день, – произнес хозяин кабинета низким тягучим голосом. – Прошу, садитесь.

Я расположился напротив стола в уютном левитирующем кресле, легонько покачивавшемся, словно колыбель. Но раскачиваться в ней не хотелось. Я чувствовал себя, словно на экзамене. Гутьерес прошел к столу и сел по правую руку от Монда.

– Что вы обо всем этом думаете, Фогельфрай? – вальяжно, словно делая мне одолжение, проговорил Монд.

– О чем, «об этом», простите? – переспросил я.

– Да вот, к примеру, о том, что сейчас, на заседании Ассамблеи обсуждали, – медленно произнес он. – Вы ведь, наверняка, имеете какие-то собственные идеи по этому поводу?

– Никаких особенных идей у меня нет, – честно признался я. – Очевидно, что наша колония на планете находится в кризисе, а из таких кризисов простых выходов не бывает. А чтобы придумать сложное решение, у меня недостаточно информации... и слишком много более насущных проблем.

Полные губы Председателя расплылись в саркастическую улыбку.

– Зато у нас информации более чем достаточно, – проговорил он, слегка растягивая слова. – Гораздо больше, чем у различных крикунов из Ассамблеи. Ситуация действительно критическая. За последний год население колонии увеличилось почти вдвое. И только меньшая часть способна обеспечивать себя хотя бы необходимым. Бешеными темпами растет преступность, включая организованную. В окрестностях Симмонса завелись целые банды – это вдобавок к пиратам, которые были и раньше. Служба безопасности сбилась с ног. Мы увеличили ее штат в полтора раза, но это не помогает. Такими темпами через пару лет мы окончательно свалимся в хаос и анархию. Что бы вы, Фогельфрай, могли посоветовать в этой ситуации?

Меня озадачил напор Председателя – а заодно та откровенность, с которой он разворачивал передо мной проблемы колонии. Я много слышал о Монде – он был известен, как человек

очень закрытый и совсем не склонный к демократизму. Просто так пригласить к себе директора мелкой корпорации, чтобы с ним поболтать о текущих делах – это совершенно не в его стиле. Ему что-то нужно от меня. Но что?

– Ограничить иммиграцию? – предложил я решение, первым пришедшее мне в голову. В последнее время было много разговоров о том, что это неплохо бы сделать.

– Мы рассматривали этот вариант, – Монд коротко кивнул. – Тлаку отказались. Без объяснения причин. Мы поставлены перед фактом: численность людей на планете определяют они, а не мы, причем мы даже не знаем принципов, которыми они при этом руководствуются.

– Скорее всего, со временем иммиграция сама пойдет на спад, – неуверенно предположил я. – Если на Земле люди будут видеть на стримах, что жизнь здесь стала невыносимой...

– Я предпочел бы этого не дожидаться, – прервал меня Монд. Я выжидательно замолчал – было очевидно, что у самих-то у них есть какой-то план – неясно только, какова в нем моя роль.

Монд задумчиво покивал головой – видимо, и сам понял, что пора уже переходить к делу.

– Изложите Фогельфрау наши соображения? – спросил он, повернувшись к Кади. Тот коротко кивнул.

– Пора кончать с этой казачьей вольницей, – произнес он, прокашлявшись. – В общих чертах принято решение о том, что на планете нужно создавать государство. Нормальное: с полицией, судами, здравоохранением, налогами, армией... ну, и всем, что полагается. Здесь полно людей, которые не могут быть исследователями или крафтерами, но от них будет толк, если сделать их учителями, чиновниками, строителями – да хоть говночистами! Дело будет очень тяжелое, и нам пригодится любая помощь. В частности, твоя. Ты же юрист? Мог бы войти в комиссию по разработке Конституции.

– Позвольте мне прояснить один момент, – начал я. – Мы ведь говорим о государстве, во главе которого будет стоять?..

– Во главе которого будет стоять демократически избранное правительство, – неохотно отрезал Кади, а затем после короткой паузы добавил. – Хотя все мы понимаем, что изберут того, кто контролирует ситуацию в Симмонсе, кто сумеет предложить наиболее проработанный план действий и донести его до большинства избирателей. И давай на этом закроем тему? Мы не дети малые, в конце концов.

Я кивнул. Мне, в общем-то, все было понятно. Кое-кто решил проапгрейдить свой статус дворянки столбовой до вольной царицы. В чатах стримов и в кулуарных разговорах такое предсказывали уже не первый год. И основная проблема на этом пути тоже была для многих очевидна.

– Не все будут согласны, – озвучил я эту проблему. – «Эдисоны» не будут платить налоги в бюджет, контролируемый «Юнити». И не только они.

– Не все, – кивнул Кади. – Но им придется согласиться. «Юнити» контролирует Симмонс, и новое государство тоже будет его контролировать. Симмонс – это вся конвертация ЭОНа. Симмонс – это телепорт с Земли. Пока мы его контролируем, мы можем устанавливать правила.

Сказано это было предельно откровенно.

– Я понимаю ваши опасения, Фогельфрай, – вальяжно проговорил Монд, немного откинувшись в кресле. – Вы опасаетесь, что речь идет об установлении диктатуры нынешнего руководства «Юнити», которое задавит любую инициативу и любую свободу. Но это не так. Именно поэтому мы пригласили вас на эту встречу. Нашему будущему государству не нужны враги. Еще когда мы выбирали название для своей компании и назвали ее «Юнити», мы исходили из того, что людям на этой планете нужно держаться вместе. К сожалению, не всегда это было возможно, но...

Он сделал в воздухе неопределенный жест, давая понять, что они изо всех сил боролись за мир.

– Я полагаю, у вас есть для меня конкретные предложения, – произнес я, внутренне подбравшись.

– Есть, – ответил Кади. – Пост замминистра юстиции в новом правительстве. Министром буду я. Плюс для твоих людей – небольшие руководящие должности по согласованию – в здравоохранении, в армии. Это мы обсудим отдельно. Станция остается вам – правда, бывать в ней большинство из вас вряд ли будет часто. У вас будет гарантированный оклад плюс порция ЭОНа ежемесячно. В свободное время, конечно, сможете добывать еще.

Почему-то в этот момент мне вспомнился разговор с Энеусом на его станции в окрестностях Колодца. Тогдашнее его предложение было, пожалуй, даже соблазнительнее. А еще я представил, как приезжаю на станцию и объявляю ребятам, что я теперь – замминистра, а им нужно выбрать «руководящие должности по согласованию». И навсегда забыть про Атлантиду, про Черный Корабль, про неведомые земли за океаном...

– А Кришне вы тоже предложите нечто подобное? – спросил я, чтобы выиграть время на обдумывание.

Монд слегка поморщился, словно отгоняя муху, летающую возле самого лица.

– Предложим, – сказал он. – В свое время. Вот только в том, что он поведет себя благо-разумно, уверенности нет. Слишком там, знаете ли, все демонстративно и истерично. Народный трибун. О, я хорошо знаю, чего хотят такие трибуны. Им нужна вся власть целиком, они ролью второго плана не удовольствуются. Но мы в любом случае заставим считаться с новой реальностью всех, включая и господина Кришну.

«И тебя – тоже» – отчетливо читалось в его взгляде.

– Когда планируется обо всем этом объявить? – уточнил я.

– Месяца через три-четыре, – произнес в ответ Кади. – Пока у нас тут всюду идут консультации. До этого времени мы ждем от тебя ясного и четкого ответа, с нами ты или нет. Но чем раньше ты его дашь, тем больше вакансий будет еще не открыто. И кстати, ты же понимаешь, надеюсь, что об этих переговорах пока никому нельзя говорить?

– Я должен обсудить со своими, – ответил я.

– Никому, – жестко отрезал Кади. – Решение принимать тебе. Если мы узнаем про утечку, и что она исходит от тебя – это будет значить, что решение ты принял. Не обессудь тогда. Все, кто будут находиться вне нового государства – будут вне закона. Никакой защиты. Никакой помощи. Даже в Симмонс попасть будет нельзя – со всеми вытекающими. Это понятно?

– Более чем, – я кивнул.

Сейчас, лежа под звездным небом и чувствуя рядом размеренное дыхание Астры, я поморщился от этого воспоминания. Я сразу решил, что Астре я, все-таки, скажу. Пусть Кади идет к черту со своей конспирацией.

А вот что делать в целом? Согласиться на предложение и молча принять, что никаких «Вольных птиц» больше не будет, а будет скромненький департамент в министерстве юстиции нового государства? Или отказаться и в одночасье превратиться в изгоев непонятно ради чего?

Мне не хотелось размышлять об этом прямо среди ночи – было ясно, что никакого решения я прямо сейчас не приму (раз уж не принял за двое суток пути), только прогоню сон окончательно и буду завтра на всех таращиться заспанными глазами, словно сова при свете дня.

Я прикрыл глаза и постарался прогнать навязчивую мысль. Будет день – будет и пища. Моей последней надеждой было то, что за время, отведенное Кади, мне удастся разобраться с Кораблем, а может быть – чем черт не шутит! – даже с Атлантидой, что позволит выйти на новый уровень и уже по-другому разговаривать с «Юнити». Все это были, конечно, ничем не подкрепленные фантазии, но эта мысль хотя бы помогла мне уснуть.

Глава 4

Низкие комковатые тучи плыли над свинцовым морем, медленно утекая куда-то в сторону горизонта. Я сидел на крупном голубоватом камне с зелеными прожилками, до которого совсем чуть-чуть не добирались волны, и думал.

Снятый шлем валялся на синем песке рядом. Из-под ворота скафандра то и дело высывал острую мордочку Гектор. Впрочем, оценив погоду снаружи, крыс тут же забирался обратно – под скафандром было теплее.

Мне нравилось бывать здесь – особенно, когда было над чем поразмыслить. Море действовало на меня успокаивающе – может быть, оттого, что совершенно ничем не отличалось от земных морей. А возможно, я полюбил это море за то, что именно мы были первыми людьми на планете, что его увидели. Это было наше море.

Всего месяц назад я получил двенадцатый уровень и по этому случаю открыл себе навык «Тактика», позволявший визуализировать в голове предполагаемую операцию и совместно с Кристи прокручивать возможное развитие событий.

Это оказалось настолько интересным, что я порой просто запускал этот модуль перед сном вместо компьютерной игры, передвигая машины туда-сюда, вводя в задачу самых разных противников и неожиданные вводные, вроде разыгравшегося прямо во время сражения тайфуна. Один раз даже штурмовал виртуально станцию Мартин. И был, конечно же, разбит, хотя потрепал им оборону изрядно – даже засадил танковым снарядом в кабинет директора на верхнем этаже. Потом, конечно, стер запись: не дай бог, кто-нибудь взломает и найдет – выйдет некрасивый скандал.

Но сейчас это были не игрушки, а серьезное дело – я разбирался с тем, как лучше подбаться к объекту. В отличии от станции Мартин, здесь о силах противника не было известно почти ничего. Те мелкие мобы, что испепелили некогда наш дрон – это все, с чем предстоит столкнуться? Или только первый резерв обороны, а дальше ждет нечто еще менее приятное? И сколько их там вообще?

Так или иначе, здесь имелась хотя бы какая-то отправная точка для размышлений. Тактический модуль сам додумывал набор мобов, которые могут мне встретиться, и их возможности – так, что мне следовало быть готовым к любым неожиданностям – как и в реальности. Я попробовал заходить с разных сторон: то подходил единым кулаком под общим мощным щитом, то нападал со всех сторон одновременно. То вводил в бой нашу не слишком мощную авиацию, то пытался расправиться с противником на дальней дистанции.

Если бы целью было просто выжечь гнездо мобов и забыть о них навсегда, то не было бы ничего проще. С недавних пор в моем распоряжении был модуль неуправляемых ракет «Самум», который можно было бы установить на «дилижанс» и превратить лес на сто метров вокруг цели в выжженную пустыню. Вот только это был бы совершенно бессмысленный вандализм: меня ведь интересует то, что внутри этого черного холма, и я не хочу, чтобы оно пострадало.

Что если это и впрямь корабль? И если он на ходу? Это было бы открытие, рядом с которым померкнет даже Атлантида. До сих пор вся наша озимандийская колония была накрепко привязана к планете. Люди на Земле летали в космос, осваивали Луну и Марс, нога человека уже ступала на спутники Юпитера. Здесь же мы не поднимались выше десяти километров над поверхностью планеты. Та техника, что предоставили нам Тлаку, была для этого непригодна, а создать космическую программу с нуля было бы не по силам никому, включая «Юнити». Да никто особенно и не рвался – тут на планете-то девяносто процентов территории не исследовано.

Прогнав битву за черный холм несколько раз, я остался недоволен. По всему выходило, что на быструю нейтрализацию обороны наших сил может не хватить, и тогда в кого-то из нас заведомо прилетит – и вероятнее всего, в воздушную цель – управляемые Кристи виртуальные мобы почему-то именно ее воспринимали, как главную угрозу.

Мне хотелось прогнать симуляцию еще раз, и я приготовился, было, отдать команду Кристи, когда почувствовал, что голова раскалывается, и надо бы передохнуть. Я выключил симуляцию и глубоко вдохнул влажный, йодистый воздух. Перед глазами замельтешили разноцветные пятна – мозг протестовал от слишком резкого перехода от симуляции к реальности. И тут я услышал, как за моей спиной тихо скрипит под подошвами гравий.

Я обернулся. По дорожке, спускавшейся с холма и огибавшей хищно водящую носом лучевую турель, установленную для обороны берега, спускались давешний мужчина с девочкой. Лицо девочки было бледным, и мне показалось, что отец слегка поддерживал ее, словно ей было тяжело идти. Или просто боялся, что она оступится на крутом спуске?

– Здесь безопасно снимать шлем? – спросил он через менталку, когда они подошли ближе.

– Вполне, – ответил я. – А вот купаться не рекомендую.

Мужчина с щелчком отстегнул шлем и принялся к морскому воздуху немного настоженно, словно проверял, не притаилась ли где опасность. Затем сделал знак девочке, и она тоже сняла шлем – волнистые рыжие волосы рассыпались по плечам.

– Меня Маркус зовут, – сказал он, протянув мне руку. – Ник у меня Вольф, но я предпочитаю, чтобы звали Маркусом. А это – Эми.

– Фогельфрай, – ответил я, ответив на его пожатие, оказавшееся буквально стальным. – Вы в вообще клинику, или как?

Отчего-то Маркус замешкался от этого вопроса.

– Нет... в клинику нам, пожалуй, незачем, – ответил он. – А здесь мы... в общем, проезде. Отдохнем и дальше отправимся.

Я невольно усмехнулся. Проездом? Куда? Здесь же край света.

Кажется, выражение моего лица было слишком красноречивым, и Маркус поспешил пояснить.

– Мы в колонию Джона Доза хотели податься. Они ведь к югу отсюда перебрались, в пещеры, вы слышали?

Я кивнул. Про Доза я в последнее время много слышал – это был достаточно известный стример, хоть и большой чудаков. Он продвигал идею о том, что нужно по возможности отказываться от фабрикатов и делать все своими руками, так как сейчас озимандийская колония находится от них в глубокой зависимости, а неровен час Тлаку их отключат, и будет голод и анархия. Он постил ролики, в которых делал из дерева мебель и посуду, ковал из металлических обломков ножи, а теперь, кажется, собирался вырастить на Озимандии пшеницу и овощи из семян, присланных с Земли подписчиками.

Слышал я о нем в первую очередь от Хосе, который с недавнего времени подсел на его ролики вместе с Мариной. Откровенно говоря, я и сам не раз задавался вопросом, что будет, если Тлаку надоест поддерживать инфраструктуру нашей колонии, и они в какой-то момент просто скажут: «Всего хорошего, и спасибо за ЭОН»! – после чего их автоматическая станция, что сейчас висит на орбите и собирает для нас постройки, помашет крыльями и улетит.

При мысли об этом у меня – да и у каждого колониста, наверное – по спине пробежал холодок, но идея Доза казалась мне утопией. Перейти полностью на самообеспечение – это значило опуститься на уровень технологий Средневековья. Это в лучшем случае. Вон, и теперь они в пещере обосновались. Я к такому был не готов.

– Вот к ним-то мы и едем, – вздохнул Маркус.

– А не хотите задержаться ненадолго? – спросил я. В моей голове неожиданно сложился пазл. Мне не хватает прокачанного бойца, а вот передо мной боец такого уровня, какого я в жизни не видел. Ну, у Кади, конечно, уровень повыше, но он давно уже сам в бой не ходит и ко мне в ландскнехты вряд ли пойдет.

– Что такое? – спросил он, и я заметил, как он отступил на шаг назад, напряженно уставившись на меня, словно ожидая нападения.

– Мне просто очень не помешал бы сейчас толковый боец, – ответил я. – Я видел, как вы разобрались с этой белой жутью. Мы, собственно, все вам жизнью обязаны. А сейчас у меня намечается одна операция, где ваши навыкигодились бы. Я готов рассмотреть любые условия.

– Условия... – проговорил Маркус, все еще глядя на меня недоверчиво. – Нет, меня не интересуют никакие условия. Мне надоело это все. Очень сильно надоело. Я хочу и сам быть от всего этого подальше, а главное – уберечь от этого Эми.

– Очень жаль, – ответил я. Пару минут мы молча смотрели на то, как волны подкатывают почти к самым нашим ногам. Девочка в это время заинтересованно разглядывала прилетевшего из джунглей ящера размером ворону, усевшегося прямо на полупрозрачный излучатель турели, сложив перепончатые крылья и настороженно озираясь по сторонам.

– Если я могу вам чем-то помочь... – вырвалось вдруг у меня. – Это не взамен вашего участия, раз уж вы не хотите, а... просто так... Мне кажется, у вас какие-то проблемы.

Маркус вновь недоверчиво смерил меня взглядом.

– Спасибо, но нет, – ответил он. – Боюсь, что вы – не поможете, и не стоит вам сюда лезть. У вас, кажется, хватает собственных забот.

Этот странный диалог прервала Эми, которая как раз отвлеклась от созерцания замершего на излучателе ящера и подошла к нам.

– Ой, а это кто? – спросила она, глядя куда-то на мою шею. Я скосил глаза вниз, и увидел, что Гектор почти целиком высунулся из-под ворота, заинтересованно глядя на Эми.

– А, это Гектор, – ответил я. – Хочешь погладить? Он не кусается.

Девочка с улыбкой протянула руку, которая чуть опасливо дрогнула, словно она не совсем поверила в миролюбивый характер крысы. Впрочем, перчатку от скафандра он не прокусил бы, даже если бы очень захотел.

Но Гектора что-то испугало – может быть, взлетевший с противным писком ящер – и он проворно юркнул обратно под скафандр, устроившись где-то в районе моей груди, прижавшись ко мне и дрожа. Девочка взглянула на меня с легким недоумением – должно быть, подумала, что это она испугала крысу, и ей стало неловко.

– Вылезет еще, – успокоил ее я. – Он любопытный.

– Как они выживают здесь? – спросил Маркус. – Не только крысы, а вообще животные. Здесь же mobs.

– Mobs не везде, – ответил я. – Да и вообще, зверюшки многие приспособились. Боятся местной техносферы и всего, что с нею связано – иной раз, даже если не видят. Может быть, излучение какое-то чувствуют – не знаю. Надо у доктора Чжоу спросить.

– А вы знаете Чжоу? – заинтересованно уточнил он. – Мы с ней разговаривали, давно, когда только-только прибыли на планету. Она очень хороший специалист, мне кажется. Только замотанная такая...

– А вы, стало быть, здесь давно? – уточнил я.

– Скоро три года будет, – ответил он. – Мы в Кори жили... большую часть времени.

Я понимающе кивнул. Судя по тому, что я видел по дороге на станцию, Маркус, видимо, был боевиком «Эдисонов» – и не из последних. Почему он решил оттуда уйти? Да мало ли. «Эдисоны» особенной щепетильностью не отличались, и на такой службе можно было насмотреться на кровь и грязь настолько, что никакие деньги будут не в радость. Вот и решил мужик,

что с него хватит, и подался именно к тем людям, которые на технократов-«Эдисонов» похожи меньше всех. В общем-то, это логично.

– Обычно Тлаку не пускают сюда детей, – сказал я, кивнув в сторону Эми, снова отошедшей от нас и задумчиво уставившейся на море. Ей ведь, должно быть, было лет десять, когда они сюда попали?

– Обычно да, – кивнул Маркус. – Но в нашем случае... я тогда им в анкете все описал... У Эми мать умерла, моя жена. Там было что-то настолько редкое, что врачи даже не разобрались толком. И, кажется, наследственное. Мышечная атрофия, но не СМА, а что-то другое, очень быстро прогрессировало. Всего несколько месяцев, и... А потом у Эми тоже стали проявляться те же признаки. А я как раз, пока занимался женой, остался без работы, уровень медстраховки сбросился до социального. Когда пришел с ней на прием – там только руками развели. Сказали – все началось сильно раньше, чем у матери, а значит, протекать будет еще быстрее, и в общем... какая-то надежда есть только если ты миллионер, или если податься на Озимандию, где в ходу инопланетные технологии. Я не миллионер, так что вот мы здесь.

Я только головой покачал, не зная, что ему ответить. Да, это многое объясняло.

– И что же, в Кори помогли? – спросил я, когда почувствовал, что молчание совсем уж затянулось.

– Помогли, – Маркус вздохнул. – Не за просто так, конечно же, но помогли, надо им должное отдать. Вот сейчас у нее ремиссия устойчивая, уже ходит сама...

– Фрай, прием, – донесся до меня через менталку взволнованный голос дежурившего сегодня за пультом Суареса, предпочитавшего ник Дино. – Датчики фиксируют движение под водой, оно идет прямо на вас. Что-то реально крупное! Мотайте оттуда лучше.

Я машинально оглянулся на свинцовую поверхность моря, но не обнаружил никаких признаков того, что оттуда вот-вот появится Годзилла. Впрочем, было еще рановато – датчики установлены далеко и предупреждают заранее. Мы специально продумали эту систему так, чтобы было время эвакуировать людей с пляжа, если что. Без этого привлекать туристов было бы безответственно.

– Пойдемте отсюда, – сказал я Маркусу. – Берите Эми и идем быстрее на станцию. Сейчас оттуда что-то вылезет, и мои ребята будут испытывать турель.

Турель была самой дорогой из заказанных нами построек – даже дороже, чем выполненный по индивидуальному проекту док для подлодки. И конечно, мы неспроста так потратились. Не реже, чем раз в месяц из моря непременно что-нибудь приходило к нам в гости, и визит никогда не был приятным.

В первый раз явилось змееподобное зеленое существо, свившееся из каких-то тросов и, кажется, жившее в симбиозе с водорослями, что переплетались с искусственными волокнами. Оно вылезло на пляж, свилось там в кольчатую бухту, полежало час или два, а затем устремилось в сторону станции, так что пришлось срочно выгонять машины и держать оборону. Во второй раз на берег выбросилось десятка полтора продолговатых конструкций, похожих на механических дельфинов. Эти изрыли дюну выстрелами маломощных излучателей, а потом вернулись в воду и уплыли самостоятельно.

Хуже всего была последняя атака, когда из-под воды вырвалась целая стая мелких, не больше крупной птицы, крылатых мобов и ринулась в сторону станции. Ее в ту пору защищали только два пулемета на крыше и дешевая турель с пушкой, и против такого противника все это было почти бесполезно. Несколько мобов протаранили купол и взорвались, лишь чудом не повредив только что построенный док. Еще один едва не разнес на куски «дилижанс». В тот день мы поняли, что станцию придется защищать как следует.

Ни с чем из подобным мне, конечно, не хотелось столкнуться вновь, и я порадовался тому, что мой «Рино» стоял здесь же, на берегу. Я кивнул Маркусу, тот торопливо огляделся и

окрикнул Эми, которая успела отойти по берегу дальше, и сейчас рассматривала выброшенную на песок зеленоватую раковину.

Дальнейшее произошло за считанные секунды.

– Фрай оно ускоряет... – только успел произнести Дино, как вдруг поверхность моря вспучилась, и оттуда вырвалось что-то черное, каплевидное, размером чуть поменьше моего броневику, подскочило над волнами метра на полтора, подняв дождь из брызг. В верхней части подозрительным алым огоньком сияла полупрозрачная конструкция, слишком сильно похожая на излучатель...

– Ложись! – крикнул я и бросился за Эми. Краем глаза я успел заметить, что Маркус команду не выполнил и понесся за мной следом, отставая на пару шагов.

В такие секунды я всегда очень жалею о том, что в боевой режим можно войти только в кабине машины, а генератор щита нельзя носить в кармане. Без всего этого чувствуешь себя кошмарно незащищенным, словно лягушка на кузнечной наковальне.

В любую секунду по тебе может хлестнуть луч и перерезать тебя пополам. И даже если напавшая тварь не имеет излучателя – ты все равно перед ней беспомощен. Она может просто броситься на тебя и раздавить корпусом, может хлестнуть вытянувшимся из тела щупальцем, может выпустить ядовитый газ – а ты без шлема, вот как я сейчас. И что делать? Молиться я как-то не приучен, а больше никакой надежды нет – только на везение.

Несколько бесконечно долгих секунд пронеслись прежде, чем я добежал до парализованной страхом девочки. За это время взметнувшийся над волнами моб рухнул вниз с громким всплеском, а затем раздался новый звук, низкий и мощный. Звучало это так, словно внутри моба кто-то задел натянутую до предела струну, толщиной с лифтовый трос. Мне до боли, до стиснутых кулаков не хотелось находиться рядом с источником этого звука. Стоило больших усилий не броситься немедленно назад.

– Дино, лупи по нему турелью! – мысленно выкрикнул я Суаресу еще на бегу.

– Я пытаюсь! – ответил он, и даже через менталку я почувствовал охвативший его ужас.

– Она не принимает команды, я не знаю, почему! Только что все работало!

– Сделайте что-то! Свяжись с Лейси! Эта хрень же положит нас тут всех!

Я находился в двух шагах от девочки, когда ее тело вдруг взмыло в воздух, а затем упало безжизненной куклой на сапфировую гальку несколькими метрами дальше от моря, я же в этот момент почувствовал удар в грудь, слово по нагрудной пластине скафандра стукнули кувалдой.

Эми даже не успела вскрикнуть. Зато вскрикнул Маркус, сделав отчаянный рывок и подбежав к ней раньше меня – мне еще нужно было подняться на ноги.

Кажется, она была жива – во всяком случае, пока. Но сознание потеряла – должно быть, сильно ударила головой. А может быть, дело было не только в этом: кто знает, что там после такого удара было с внутренними органами, с костями? В другой ситуации я не стал бы даже ее трогать, и Маркусу не дал, но сейчас казалось более важным унести ноги из-под обстрела. Да и мешать ему было поздно: он уже подхватил девушку на руки, несильно прижимая к себе и заслоняя спиной от замершего на волнах моба.

– Быстрее, к броневику! – бросил я ему. – Я включу щит, когда будем там.

– Фрай, мы не можем понять, что здесь! – на этот раз менталка принесла растерянное сообщение от Лейси. – Это ад! Держитесь там, Астра бежит к вертолету, Суарес сейчас танк выкатит!

Я отчетливо понимал, что танком, скорее всего, можно будет только заровнять нашу братскую могилу. Разве что Астра успеет, но при мысли о том, что будет, если эта тварь долбанет по ее хрупкому вертолету, у меня екнуло сердце.

Маркус даже с девочкой на руках бежал быстро, я бросился за ним следом, хрустя ботинками по синему песку, и стараясь не думать о том, что мою спину ничто не защищает от нового удара, готового последовать в любую секунду. Броневик, оцетинившийся пулеметом,

был совсем недалеко, но я не приказывал Кристи стрелять, чтобы не спровоцировать агрессию моба. Всего метров сто, еще шаг, еще. Только бы успеть...

– Кристи, по моей команде включай щит! – передал я, и Кристи как обычно бесстрастно ответила, что приняла.

До машины оставалось всего несколько шагов, когда я вновь услышал за спиной тот же звук, не предвещавший ничего хорошего.

Удар последовал в ту же секунду, когда Кристи включила щит. Он был настолько силен, что я повалился вперед, зарывшись пальцами в синий песок, а Маркус припал на колени, изо всех сил стараясь не уронить дочь, не подававшую признаков жизни. Щит вспыхнул голубым огнем, приняв на себя чудовищную мощь, и тут же бессильно погас. Если бы не он, нас должно быть, расшвыряло бы по всему пляжу, словно картонных человечков. Гравитационный удар. В базе данных попадались мобы, умеющие такое, хоть это и была редкость.

Весь перепачканный в песке, я поднялся и стал помогать Маркусу. Хотел взять у него Эми, нести которую ему было тяжело, но он не отдал, лишь кивнув в сторону броневика – дескать, заводи скорее и сматываемся отсюда.

Едва вскочив в машину, я тут же врубил боевой режим и начал поливать тварь огнем, одновременно направив броневик вверх по склону, чтобы побыстрее скрыться за дюной. Однако выстрелы моего пулемета видимого вреда мобу не нанесли. Вокруг него подрагивало синеватое марево – должно быть, тоже своеобразный силовой щит.

Следующий удар противника прорыл на поверхности дюны борозду глубиной метра в три – выглядело это так, словно там прополз гигантский червь. Лишь то, что незадолго до этого я выкрутил руль, взбираясь по склону под углом, помешало мобу разорвать наш броневик на куски, будто детскую игрушку. Секунду спустя «Рино» с ревом перепрыгнул через гребень дюны и понесся по склону вниз, слегка выдохнув – здесь мы были вне досягаемости.

Над моей головой белым наконечником стрелы пронесся «Альбатрос» Астры, секунду спустя послышался дробный грохот его авиапушки. Из-за ближайшей к базе дюны, с ревом утопая в песке гусеницами, вырвался танк Суареса. Только сейчас я смог отвлечься от дороги и бросить взгляд на Маркуса, склонившегося над дочкой и бережно придерживавшего ее голову, оберегая от тряски.

– Она дышит? – спросил я его.

– Да... да, – ответил Маркус. – Она дышит, все в порядке. Я думаю... все хорошо.

– Какое там «хорошо»! – бросил я, вырывая на наезженную дорогу. – Нужно немедленно показать ее Норберту.

– Да-да, конечно... – рассеянно проговорил Маркус, и его тон показался мне странным. Словно идея показать врачу его дочь, пережившую нападение моба с неясными последствиями, была глупой и излишней.

В коридор станции мы влетели, пренебрегая дезинфекцией и оставляя за собой следы из синего песка. Попавшийся нам по дороге турист из «Юнити», едва успел отскочить в сторону.

– Вы куда?! – выкрикнул Норберт, когда я раскрыл дверь в его кабинет. – Сюда нельзя, у меня операция.

– Ты не можешь пока подключить ее ко второму модулю? – спросил я.

– К какому второму модулю? – зло произнес Норберт. – Второй модуль не допечатан – сам знаешь, кому спасибо сказать. А этот я не могу отключить, она умрет там.

Я взглянул на хрустальный гроб операционного модуля – там лежала с закрытыми глазами одна из женщин, что приехали с нами в дилижансе. Сквозь стекло виднелось только ее измученное лицо – остальное тело и то, что делал с ним модуль, было скрыто панелями модуля, выключившими прозрачность и ставшими матово-белыми. Черт, как же не вовремя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.